

Шэнь Нянь вернулся домой впервые за два месяца и изначально собирался пробыть там до конца новогодних праздников. Но от той неприятной стычки в доме стало настолько душно, что даже дышать казалось в тягость. Не откладывая отъезд ни на минуту, он сразу же уехал в общежитие. Собирался в такой спешке, что даже не достал из шкафа теплую куртку, а когда понял, что с ним что-то не так, тело уже пылало от высокого жара.

Впрочем, винить оставалось только себя — сам виноват, нечего на других пенять.

По случаю праздников соседи по комнате разъехались, и Шэнь Нянь остался в общежитии один. Опасаясь, что болезни станет только хуже и он просто потеряет сознание в пустой комнате, парень заставил себя дойти до аптеки у ворот университета, купил лекарств и, приняв дозу, завалился спать. Он то и дело проваливался в тяжелое забытие, ненадолго смутно приходил в себя и снова засыпал. Сколько прошло времени, он и сам толком не понимал; окончательно сознание прояснилось лишь к началу двенадцатого дня в понедельник, когда студенты уже начали возвращаться с каникул.

Ребята в комнате давно привыкли, что Шэнь Нянь не ездит домой на праздники, но видеть его пластом лежащим на кровати в разгар дня было непривычно. Кто-то сочувственно поинтересовался, не заболел ли он, на что Шэнь Нянь лишь слабо махнул рукой:

— Да нет, просто вымотался.

— Ну тогда отсыпайся, мы постараемся не шуметь.

Соседи у него были славные, договориться с ними не составляло труда. Но Шэнь Нянь терпеть не мог становиться обузой и заставлять других ходить на цыпочках из-за своего недомогания — от этого его тут же накрывало чувством вины. Поэтому, несмотря на дикую ломоту во всем теле, он пересилил себя и начал подниматься. Пролежав пластом сутки напролет, он чувствовал зверский голод и полную опустошенность. Спускаясь с двухъярусной кровати, парень едва не оступился на лестнице, но, к счастью, высота была небольшой, и он обошелся без ушибов.

Шэнь Нянь дошел до умывальника, а когда вернулся, с удивлением обнаружил в комнате Лян Цю — того, кого меньше всего рассчитывал здесь встретить:

— Ты как тут очутился? Что-то случилось?

Лян Цю и без того места себе не находил, переживая за друга. Он опасался, что внезапное примирение Шэнь Чуншаня — всего лишь минутный порыв, и Шэнь Няню опять придется терпеть обиды. Не выдержав ожидания до завтрашнего дня, он решил навестить его сегодня же. Но не успел он и рта открыть с расспросами, как заметив болезненную бледность на лице Шэнь Няня, тут же тревожно нахмурился:

— Ты чего на себя не похож?

Шэнь Нянь хотел было отмахнуться, мол, всё в порядке, но Лян Цю уже шагнул к нему и прижал ладонь к его лбу:

— Да у тебя же жуткий жар! На лбу хоть яичницу жарь!

Шэнь Нянь лишь слабо усмехнулся:

— Скажешь тоже...

Можно там жарить яичницу или нет, Лян Цю не намеревался позволять ему и дальше переносить болезнь на ногах. Он сорвал с вешалки куртку Шэнь Няня, помог ему одеться и буквально силком вывел из комнаты, на ходу бросив соседям:

— Шэнь Нянь сегодня ночует у меня. Если придет комендант, прикройте его, ладно?

Лян Цю притащил его в больницу. Градусник показал тридцать девять и два. Увидев цифры, Лян Цю лишь витиевато выругался сквозь зубы. Когда дежурный врач сказал, что придется ставить капельницу, Лян Цю злобно процедил:

— Колите. Да поглубже.

От такого тона врач аж подскочил и с изумлением уставился на него:

— Вы с ним враги, что ли?

Шэнь Нянь тиховато хмыкнул, а Лян Цю с самым серьезным видом кивнул:

— Ага. Заклятые.

Языком-то он чесал будь здоров, но как только игла вошла в вену Шэнь Няня, Лян Цю пулей вылетел из процедурной и спустился в круглосуточный магазинчик на первом этаже. Вернулся он с грелкой, налил в нее кипятка и аккуратно обернул вокруг капельницы — чтобы холодное лекарство, стекая по трубке, успевало согреться и не причиняло боль.

При высокой температуре тело становилось ватным, полным апатии. Шэнь Нянь вяло откинулся на спинку кресла, наблюдая за суетой друга. Заметив его устремленный взгляд, Лян Цю буркнул:

— Чего уставился?

Шэнь Нянь едва заметно улыбнулся:

— Спасибо тебе.

Лян Цю лишь фыркнул в ответ и отвернулся.

Лян Цю не знал, что тот проспал целые сутки, и надеялся, что парень задремлет, чтобы время на капельнице прошло быстрее. Но Шэнь Нянь хоть и был осажден жаром, сонливости не испытывал. Напротив, в нем проснулся зверский голод — ведь во рту у него не было и маковой росинки уже больше двадцати четырех часов.

Но даже перед Лян Цю Шэнь Нянь стеснялся открыто признаться в этом и попросить сбегать за едой. Он молча терпел, попытавшись незаметно колесиком ускорить капельницу. Лян Цю тут же шлепнул его по руке:

— Куда суешься? Не на пожар ведь спешишь!

Шэнь Нянь убрал руку. В процедурной стояла тишина, которую внезапно разрезал предательский громкий урчащий звук, донесшийся из его живота.

Лян Цю перевел взгляд на его живот, а затем уставился на самого Шэнь Няня:

— Голоден?

— Да не особо... — попытался соврать парень, но живот снова издал протестующую трель.

Лян Цю тяжело вздохнул:

— Сяо Нянь, вот скажи честно: если бы я сам не услышал, ты бы так и молчал как партизан и не попросил еды?

Шэнь Нянь всегда оставался верным себе. С самого детства привыкнув полагаться только на собственные силы, он даже при наличии близких людей подсознательно боялся помешать, стать для кого-то лишней обузой.

Шэнь Нянь лишь виновато улыбнулся, ничего не ответив. Лян Цю, махнув рукой, поднялся и вышел из процедурной.

Вскоре он вернулся с коробочкой жареной лапши. Однако Шэнь Нянь, несмотря на дикое чувство голода, из-за болезни совсем потерял аппетит и одолел едва ли половину. Лян Цю заставлять не стал — просто забрал у него контейнер и сам принялся уминать оставшееся:

— Ладно, сейчас звякну отцу, пускай приготовит что-нибудь нормальное. Дома нормально

поешь, а эта дрянь и впрямь редкая гадость.

За всё время Лян Цю так и не спросил, отчего Шэнь Нянь свалился с температурой и когда именно вернулся в город. О некоторых вещах догадаться было несложно: еще когда Лян Цю собирал вещи в общежитии и не обнаружил той самой пуховой куртки, он уже смекнул, что в родном доме произошла очередная дрянь. Видя, в каком разобранном состоянии находится друг, он не хотел расковыривать раны. Сначала нужно было поставить его на ноги.

Однако, хотя Лян Цю и молчал, Шэнь Нянь сам не выдержал и негромко произнес:

— До Нового года я туда больше не вернусь.

Лян Цю не стал расспрашивать о причинах. Он лишь с укоризной поглядел на него:

— Я с самого начала был против этой поездки! Ты же сам не слушал. Стоило ему мазнуть по губам медом, как ты расплылся и забыл обо всем на свете. Ну что, теперь обжегся?

Шэнь Нянь молчал несколько секунд, обдумывая его слова, а затем повернулся к нему. Лян Цю ничуть не жалел об этой резкости: иногда лекарство должно быть горьким. Настоящие уроки усваиваются только через боль. Шэнь Няню давно пора было перестать строить иллюзии насчет человека, которому не было до него дела целых четырнадцать лет.

— И почему ты у меня такой умный? — тихо спросил Шэнь Нянь.

Лян Цю усмехнулся:

— Да это у тебя сердце слишком мягкое. Тебя же обвести вокруг пальца — раз плюнуть.

— Наверное, просто слишком сильно хотелось тепла и любви, — Шэнь Нянь уставился в одну точку перед собой, его голос звучал едва слышно. — Когда тебе дают хотя бы крохотный лучик надежды, совсем не хочется сопротивляться.

— А у меня дома тебе тепла мало, что ли? — искренне возмутился Лян Цю. — И не вздумай никуда ехать на праздник! Пойдешь ко мне. Я покажу тебе, что такое настоящая, согревающая со всех сторон забота.

Шэнь Нянь лишь слабо улыбнулся и ничего не ответил. Смороенный усталостью, он прикрыл глаза. Лян Цю больше не стал его тревожить, достал телефон и принялся увлеченно гонять «Тетрис».

Когда капельница опустела, Лян Цю отвез Шэнь Няня к себе домой. Похоже, он успел заранее предупредить Тётушку Су, потому что, несмотря на поздний час, обеденный стол ломился от

всевозможных блюд. На самом деле Шэнь Няню совсем не хотелось есть, но, чтобы не обижать хозяйку, он заставил себя подойти к столу. Лян Цю, подталкивая его в спину, шепнул на ухо:

— Не бойся, это готовил отец, а не мать.

Сказано это было тишайшим шепотом, но Су Сяосяо всё равно уловила:

— Для Сяо Няня готовил твой отец, а вот твоя порция — полностью моя работа! И чтобы до последней крошки уплел!

Лян Цю соорудил плачевную мину:

— Мам, если ты хочешь еще одного ребенка, вы с папой можете просто родить! Зачем же меня-то ядом травить? Я абсолютно не против второго ребенка и ревновать не стану, честное слово!

Су Сяосяо, в шутку обозвав его мелким паршивцем, замахнулась на него, но Лян Цю не стал дожидаться расправы и с хохотом задал дёру. Наблюдая за их шутливой перепалкой, Шэнь Нянь почувствовал, как на душе становится удивительно тепло и спокойно. Если бы не Лян Цю с его искренним семейным счастьем, он, пожалуй, вообще бы не верил, что в этой жизни бывает что-то сладкое.

Эта сладость была совсем рядом. И стоило жизни показаться невыносимо горькой, как достаточно было лишь прикоснуться к этому теплу, чтобы вновь обрести силы бороться.

Еда оказалась великолепной. Даже потерявший аппетит Шэнь Нянь с удовольствием умял целую пиалу риса. Закончив трапезу, он по привычке потянулся убирать и мыть посуду, но Су Сяосяо тут же его остановила:

— Да что ж за ребенок такой... Сколько раз Тётушка Су тебе говорила? Чувствуй себя как дома и не забивай голову работой! Ты же болен, иди скорее отдыхать.

Когда Тётушка Су проявляла настойчивость, спорить с ней было бесполезно. Шэнь Нянь не стал упрямиться, вежливо поблагодарил и пошел к себе. Лян Цю остался в кухне под строгим надзором матери домыывать тарелки, так что Шэнь Нянь направился в комнату один. Прикрывая за собой дверь, он случайно услышал тяжелый, сочувственный вздох Су Сяосяо:

— Такой золотой мальчик... И за что его в семье Шэнь так не возлюбили? Шэнь Чуншань совсем без глаз остался, что ли?

— Угу, — отозвался Лян Цю. — Мам, надо же, впервые в жизни мы с тобой абсолютно согласны.

Шэнь Нянь тихо затворил за собой дверь.

Время перевалило за полночь, но сон не шел. Возможно, сказывались целые сутки, проведенные в постели: несмотря на сильную физическую разбитость, глаза не смыкались. Впрочем, Шэнь Нянь не вставал и не издавал ни звука. Он просто неподвижно смотрел на не полностью задернутые шторы, сквозь щель в которых пробивалась тонкая полоска уличного света.

Вскоре в комнату вошел Лян Цю. Опасаясь разбудить друга, он двигался с крайней осторожностью, на цыпочках. Видя его мучения, Шэнь Нянь подал голос:

— Да не ходи ты так, я не сплю.

Внезапный голос в темноте заставил Лян Цю вздрогнуть. Он тихо ругнулся, щелкнул выключателем ночника и посмотрел на совершенно бодрствующее лицо Шэнь Няня:

— Ты чего, не спишь?

— Угу, — отозвался Шэнь Нянь. — Днем выспался, теперь ни в одном глазу.

Лян Цю не стал заводить лишних разговоров, сходил в ванную, а вернувшись, обнаружил, что Шэнь Нянь сидит на кровати, прислонившись к спинке, и всё так же гипнотизирует взглядом шторы. Лян Цю проследил за его взглядом, но не нашел там ничего интересного.

Пока Шэнь Нянь не спал, Лян Цю и сам не мог уехать в царство Морфея — мало ли, вдруг температурающему другу снова станет плохо. Подогнув ноги, он уселся на кровати напротив и, глядя на Шэнь Няня, спросил:

— Раз все равно не спится, может, расскажешь, что там стряслось? Выплеснешь дрянь, а я разозлюсь до полусмерти — глядишь, и вместе бессонницу коротать веселее будет.

Что стряслось? Да вроде бы ничего грандиозного — обычная бытовая чепуха. Петарда-хлопушка, пуховик, очередное требование «войти в положение»... Все это казалось мелким и ничтожным. Шэнь Нянь даже толком не мог вспомнить, с чего именно все началось. И говорить об этом абсолютно не хотелось.

Однако выжидающий вид Лян Цю намекал, что молча отсидеться не удастся. И тогда Шэнь Нянь решил рассказать о другом. Нахлынувший порыв подтолкнул его раскрыть тайну, которую он глубоко прятал в душе долгие годы.

Он прекрасно понимал, что поступит не совсем благоразумно, но иногда поддаться импульсу — не самая худшая идея. Не в силах сдержать рвущиеся наружу слова, он наконец решился:

— Хочешь, я доверю тебе один секрет?

Вместо любопытства или радости на лице Лян Цю отразилось явное недовольство. Он сощурился:

— Сяо Нянь, ты что, утаивал от меня секреты?!

Шэнь Нянь усмехнулся:

— М-да, с моей стороны это действительно нечестно. Я-то знаю даже то, в какие дни у тебя запор.

Лян Цю метнул на него свирепый взгляд:

— Буду я на тебя обижаться за скрытность или нет, зависит исключительно от того, насколько важен этот секрет. Давай излагай, а я оценю, заслуживаешь ли ты прощения.

— Думаю, ты меня не осудишь.

— Ты не зубы заговаривай, а говори! — подбоченился Лян Цю. — Право судить — за мной.

Шэнь Нянь замялся. Слова давались с трудом, поэтому он снова вернул взгляд к полоске света из окна. Помолчав несколько секунд, он едва слышно выдохнул:

— Мы с отцом... не родные по крови.

В этот момент Лян Цю как раз тянулся к тумбочке, намереваясь проверить время на экране телефона. Услышанное прозвучало как гром среди ясного неба. Рука его дернулась, и мобильник со стуком повалился на пол.

Даже не думая поднимать гаджет, Лян Цю мгновенно воззрился на Шэнь Няня. Лишь спустя пару секунд парализующий шок немного отступил, и он сумел выдавить:

— Что... ты сказал?

Шэнь Нянь повернулся и встретился с ним взглядом:

— Он мне не родной отец. Я узнал об этом, когда мне исполнилось десять.

Лян Цю потерял дар речи. Мозг отказался обрабатывать информацию, впав в ступор. Лишь через некоторое время мыслительные шестеренки снова пришли в движение, и пазл, который долго не складывался, внезапно сложился:

— Постой... Так вот почему Дядя Шэнь так к тебе относится? Почему холодности и равнодушия с его стороны не отнять — просто потому, что ты ему не сын?! Но... если ты не его кровь, с какой стати он согласился забрать тебя при разводе? В этом же нет никакой логики! На кой черт растить чужого ребенка?

— Я и сам долго ломал над этим голову, — Шэнь Нянь грустно улыбнулся. — Но я все равно искренне благодарен ему за то, что после развода он не выставил меня на улицу. Не сделай он этого, я бы, наверное, уже давно сгинул где-нибудь.

«Сгинул на улице» — вовсе не было преувеличением. Шэнь Нянь отлично знал натуру Ю Сяююэ и не питал иллюзий: если бы Шэнь Чуншань не оставил его у себя, она бы никогда не взяла мальчика с собой.

Она, может, и не стала бы закатывать сцен бывшему мужу, но абсолютно точно избавилась бы от ребенка при первой же возможности по дороге.

В конце концов, Ю Сяююэ уже поступала так раньше.

Она уже бросала его. Шэнь Няню тогда исполнилось семь лет. То был единственный раз, когда Ю Сяююэ поехала в дальний рейс вместе с Шэнь Чуншанем, прихватив с собой и сына.

Воспоминания о том дне въелись в память до мельчайших деталей. Он до сих пор помнил тот детский восторженный трепет. Хотя Ю Сяююэ и в дороге относилась к нему прохладно, маленький Шэнь Нянь все равно радовался как сумасшедший. Ему казалось: всё наладится, ведь папа с мамой взяли его с собой в настоящее путешествие!

В пути о нем заботился в основном Шэнь Чуншань. Ю Сяююэ, как и дома, воспринимала сына как пустое место. Впрочем, мальчика это мало волновало — он впервые уехал так далеко от дома, и яркие пейзажи за окном полностью завладели его вниманием.

Когда дальнобойный грузовик прибыл в пункт назначения, разгрузка должна была занять полдня. Ю Сяююэ предложила прогуляться с ребенком по местному рынку поблизости. Шэнь Чуншань возражать не стал — лишь уточнил время выезда и отпустил их.

В тот день Ю Сяююэ впервые в жизни купила ему лакомство — засахаренные яблоки на палочке. А потом отвела в глухой, безлюдный переулок и сказала:

— Пойди сюда и подожди меня. Я только сбегаю за покупками и вернусь за тобой.

Семь лет... Семилетний Шэнь Нянь почувствовал неладное, но даже мысленно не мог допустить, что родная мать способна на обман. Сжимая в кулачке сладкую палочку, он послушно кивнул:

— Хорошо.

Ю Сяюэ ушла, ни разу не обернувшись. А Шэнь Нянь остался стоять в пыльном заброшенном переулке. Он ждал ее с утра до самого полудня, а затем — с полудня до позднего вечера. Постепенно до его детского разума стало доходить происходящее, но сдвинуться с места он не смел. Так и стоял на том же месте, не дерзая даже заплакать вслух.

Он панически боялся, что его заметит какой-нибудь злой человек и утащит с собой.

Сколько прошло времени, он не знал. В памяти запечатлелась лишь яркая, холодная луна над головой. Обессиленный, он сморился сном прямо на корточках у стены. А потом сквозь сумеречную дрему до него донесся отчаянный крик. Кто-то звал его по имени. Это был Шэнь Чуншань. Перепуганный, запыхавшийся, он казался настоящим спасителем. Маленький Шэнь Нянь вихрем бросился к нему и судорожно вцепился в его одежду.

Лишь годы спустя Шэнь Нянь узнал всю правду. Шэнь Чуншань заподозрил неладное, только выехав на скоростную трассу. Ю Сяюэ уверяла, будто сын заснул на заднем сиденье, но оттуда несколько часов не доносилось ни звука. На расспросы мужа она лишь хранила хмурое молчание. Почуввав недоброе, Шэнь Чуншань съехал на обочину и заставил её признаться. Узнав, что Ю Сяюэ попросту выбросила ребенка, он на предельной скорости доехал до ближайшего разворота и рванул обратно.

Шэнь Няню даже страшно было представить, что бы произошло, не останься он тогда на месте. Выйди он из переулочка на поиски матери — и они с отцом разминутся бы навсегда.

Именно поэтому он чувствовал к Шэнь Чуншаню глубокую признательность. Как ни крути, этот человек подарил ему крышу над головой и дом. А разочарование и боль рождались лишь оттого, что Шэнь Нянь считал его настоящим отцом. Если же посмотреть на него просто как на чужого дядю, протянувшего руку помощи, то в нынешнем поведении Шэнь Чуншаня не было ничего предрассудительного.

Выбирая между ним и Гу Чжи, тот всего лишь сочел, что Гу Чжи для него важнее.

У Шэнь Няня не было никакого права требовать от Шэнь Чуншаня такой же отцовской любви, какой Лян Чунчао одаривал своего сына.

Лян Цю появился на свет долгожданным, окруженным нежностью и надеждами родителей.

Шэнь Нянь же был полнейшей его противоположностью. И то, что он доживал до сегодняшнего дня в тепле и сытости, являлось исключительной заслугой Шэнь Чуншаня.

Шэнь Чуншань ни в чем не виноват. Это сам Шэнь Нянь по глупости позволил себе питать напрасные надежды.

Лян Цю всей душой чувствовал, что друг неправ, но подбирать аргументы не находил сил. Раньше он думал, что не понимает Гу Чжи, но теперь осознал, что и мотивы Шэнь Чуншаня выходят за рамки его понимания. Он лишь отчетливо видел, насколько тяжело приходится Шэнь Няню.

— А ты... — осторожно спросил Лян Цю, — знаешь, кто твой настоящий отец?

Шэнь Нянь качнул головой:

— Нет. И знать не хочу.

Человек, не проявлявший участия столько лет, при встрече останется для него лишь чужим прохожим. А питать иллюзии в отношении постороннего человека Шэнь Нянь больше не собирался.

— И как ты планируешь жить дальше? — тихо поинтересовался Лян Цю.

— Да как и раньше, — Шэнь Нянь посмотрел на друга и тепло, хоть и чуть грустно, улыбнулся.
— Просто научусь ничего ни от кого не ждать.

<http://bllate.org/book/20601/2132238>